

Сергей Фурсов

Точка отсчета

- Да-да, иду, иду! Просто подождите. Времена, когда я мог пробежаться, уже описываются в учебниках истории. – Сухой смешок. - Добрый день, входите. Жарко, неправда ли?
- Добрый день. Да, вы правы. Бог за что-то зол на тех, у кого нет кондиционеров.
- Проходите, располагайтесь. Чай, кофе?
- Нет, благодарю, у меня сегодня еще много дел, я хотел бы поскорее. В вашем письме...
- Присаживайтесь. В моем письме все правда. Вы не зря приехали, мистер...
- О, прошу прощения. Диз, Ричард Диз.
- Итак, мистер Диз, в моем письме сказано, что я прожил интересную жизнь. Я поклонник вашей газеты и считаю, что мой рассказ как раз для нее.
- Прошу продолжайте, а подходит ли она для газеты, решит главный редактор. У меня действительно совсем мало времени, так что, если вы не против, сразу к делу.
- Хорошо. Я долго думал, если на мое письмо ответят, то как начать свой рассказ? Пожалуй, начну с начала...

...В январе 1936-го, три с половиной года спустя после Слезных Дождей – феномена, когда летом на штат обрушились соленые ливни, в детский приют города Монро, Луизиана, работник местной больницы привез ребенка. Единственное, что о нем можно было тогда сказать, это что он мальчик и его мать умерла при родах. Об отце ничего не было известно. Казалось, история каких не счесть, но мальчик выделялся тем, что родился уже после смерти матери. Из рассказа сотрудника больницы и заметки в местной газете было понятно, что его мать попала в автокатастрофу недалеко от больницы, при ударе, видимо неслабом, ей начисто оторвало голову. Лишь недюжее мастерство врача, дежурившего в тот день, и близость больницы спасли ребенка.

В тот год в приюте было немного «постояльцев», и это позволяло уделять каждому из них отдельное внимание. Воспитанием мальчика занялась чернокожая девушка, Эбби Троттс. Она была веселой и не отказывалась ни от каких поручений, а приют был свободен от предрассудков, связанных с цветом кожи, и работу она получила без труда. Впрочем, кто первый проявил инициативу в их знакомстве, еще не известно. Эбби умела и любила играть на гитаре и жила при приюте, поэтому ее игру можно было слышать в разных его уголках. Музыка нравилась многим, в том числе и маленькому новичку, который, чуть слышатся первые аккорды, начинал улыбаться так, что казалось треснут щеки. Со временем это не могло не перерасти в привязанность.

Логическим развитием событий стал вопрос об имени ребенка. Не было сюрпризом то, что «автором» имени была Эбби. Она назвала его Вандером, Вандером Чарактом. В определенной степени на имя повлиял удивительный факт рождения мальчика.

- А это вообще возможно, чтобы женщина родила после такой ужасной смерти?
- Ну вы же разговариваете со мной. Вот он я, Вандер, собственной персоной. Хотите потрогать?
- Нет, это лишнее. Что было дальше?
- В принципе, в приюте ничего интересного не происходило. Интересного для вас, разумеется. Эбби занималась моим образованием, научила играть на гитаре. Может вас заинтересует то, что я учился с нашим президентом?
- Серьезно? Да, это было бы интересно, расскажите.
- Так вот...

... в '54-м году, когда Вандеру уже было 18 лет, он решил поступить в университет. Его выбор пал на университет штата Мэн. Эбби оказалась хорошим учителем, а он, в свою очередь, талантливым учеником, и с поступлением проблем не возникло. Первые два года они еще поддерживали связь письмами, но позже потеряли и больше не видели друг друга. В университете, как и все в Америке 50-х годов, жизнь текла сонно и медленно. В один из таких дней в комнату спящего Вандера настойчиво постучали.

На пороге стоял среднего роста парень и староста этажа. Первый молча протиснулся между еще сонным студентом и дверным косяком в комнату, на плечах у него был рюкзак, в руках небольшой чемодан. Второй с улыбкой сказал:

- Распишитесь в получении. Это твой сосед. Первокурсник. На его этаже мест не хватило, а ты живешь один. Надеюсь, вы поладите. – Затем развернулся и направился восвояси.

Ван, как его теперь называли, закрыл дверь, повернулся, с сожалением глянул на смятую, еще теплую постель, и побрел к стулу, на котором висели его брюки и рубашка.

- Вандер, можешь звать меня Ван. – Он протянул руку лежащему на второй кровати новоявленному сожителю.

- Грег, - ответил тот, - так и зови.

С этими словами он отвернулся к стене, так и не подав руки. «Дружбы не выйдет», подумал Ван, взял тетрадь, карандаш и пошел в библиотеку: спать уже не хотелось, а до занятий было еще далеко. Да и в библиотеку он пошел не ради улучшения отметок. Дело в том, что Ван любил коллекционировать факты – даты, события, цифры, результаты социологических исследований и тому подобное. Ему нравилось вставлять в разговор какой-нибудь из особенно понравившихся фактов. Например, он знал, что в 1896 году началась война между Англией и Занзибаром – самая короткая в истории. Занзибар капитулировал через 38 минут. Знал, что двенадцать новорожденных ежедневно попадают по ошибке не к своим родителям. Когда он впервые прочел об этом, это заставило его задуматься о том, исправляются ли потом эти ошибки или эти жизни так и катятся по чужой колее? Да и не перепутали ли его самого, не разъезжает ли Лжевандер на дорогих автомобилях, не ест ли в дорогих ресторанах, и все это из-за халатности медработника. Но с другой стороны, Лжевандер мог иметь несчастье спать на улице, голодать, быть носителем ужасной болезни или вообще уже погиб нелепой смертью и его гниющий, распухший труп плавает лицом вниз в каком-нибудь коллекторе. Так что повода унывать Ван не видел, он знал множество фактов, свидетельствующих о том, на сколько хуже его живется большинству людей планеты.

С Грегом Ван прожил три месяца. Все это время Ван видел либо его спину на кровати, либо лицо с легкой улыбкой, уставившееся в потолок. Насколько он знал, его фамилия была Стилсон, у него не было друзей, и со сверстниками он не общался, но постоянно где-то пропадал, а если и находился в комнате, то Ван сам старался уйти, обычно в библиотеку: неприятно было находиться в комнате с человеком, который постоянно молчит и смотрит в потолок. Да еще его усмешка... Как будто он вспоминает свои прогулки, а тебе вовсе не хочется знать их подробности. Однажды Вану приснилось, что он проснулся посреди ночи, а над ним висело улыбающееся лицо Грега. Ван попробовал встать, но понял, что привязан к кровати его постельным бельем. Грег улыбается еще шире, видя тщетность попыток выбраться. Затем он садится на угол кровати и начинает рассказывать как провел последнюю неделю. Как отрезал садовыми ножницами лапы у пойманных им животных, полностью или частично; как выкалывал им глаза и отрезал уши, затем перевязывал их и отпускал (о таких случаях писали в местных газетах – страдали не только бродячие, но и домашние животные); как завел в подвале заброшенного дома собаку и скармливал ей купленных в зоомагазине или пойманных на улице животных, а потом просто заморил ее голодом, и еще много подобных историй.

Потом он замолчал, улыбнулся неправдоподобно широкой улыбкой, обнажив ряд острых зубов, и впился ими в лицо Вану.

Проснувшись, он не закричал лишь благодаря временному параличу, какой бывает после кошмаров, а когда пришел в себя, посмотрел на Грега, тот лежал лицом к стене и Ван, смотря на его затылок, мог поклясться, что он улыбается.

Через неделю Грега переселили к своим сверстникам. Это был не Один-из-самых-счастливых-дней в жизни Вана, но претендент на это звание. Через три дня после съезда соседа, проведенных в приподнятом настроении, Вану снова пришлось вспомнить его улыбку. По запаху, в дальнем углу нижнего ящика стола он нашел лапку кролика. В подушечку на ступне была продета тонкая веревка – самодельный амулет, приносящий удачу.

- Еще мне запомнилась его фраза, которую он выкрикнул после того, как провалил очередной экзамен, от которого зависело его отчисление: «Весь мир еще обо мне узнает, а когда узнает, пожалеет!»

- Он так сказал? Вы не против, если я процитирую некоторые фразы от вашего имени?

- Нет, отчего же. Кстати именно после того, как я услышал в новостях в январе семьдесят девятого о том, что на Грега покушались, и потом, позже, как он обошел на выборах Рейгана, я задумался о своем влиянии на окружающих, о котором я вам написал.

- А есть ли еще подобные случаи? Ну, вы понимаете... С кем еще из знаменитостей вы общались в прошлом?

- Нет, таких крупных нет. Да и кто знает, может они себя еще проявят. А мелочи - пруд пруди: постоянно слышал о сверстниках, то один приз в каком-то конкурсе выиграет, то другой, при чем именно те, с кем я как-то контактировал. Позже я еще преподавал в университете, который закончил, так вот – ни один из тех, у кого я вел, не погиб во Вьетнаме. А вы знаете, сколько тогда студентов не вернулось. Но есть и другая сторона – с 78-го по 79-й я преподавал еще и в Ювинской школе, в Чемберлене. Позвал меня туда один из моих бывших сверстников, Генри Грейл, он был директором той школы. Так вот, почти все, у кого я преподавал там, погибли при пожаре на выпускном балу. С тех пор, собственно говоря, я и не работаю, и вообще стараюсь ни с кем не общаться. Но такая жизнь очень скучна – сидишь весь день дома, смотришь сериалы, рекламу, фильмы, снова рекламу, игру Монархов в записи и снова рекламу... Вот я и решил вам написать, сам не знаю ради чего.

- Я думаю, статья из этого выйдет небольшая, редактор, да и я сам, многое опустим. Вот о президенте я постараюсь передать все полностью. А вы, кстати, не за него ли голосовали?

- Нет, что вы! Я как увидел его улыбку по телевизору, сразу кроличью лапку вспомнил! И год назад, в 84-м, когда он баллотировался на второй срок, я тоже голосовал против него. Да и слухи перед этим ходили, что он на разработку вирусов много средств выделяет. Конечно, слухи не подтвержденные, но лапка...

- Ну что ж, приятно было побеседовать. Обещаю, статью вашу мы издадим, вас об этом известят заранее, может пяток номеров пришлют, - улыбнулся Диз.

- Спасибо, я буду ждать.

Ван, стоя у окна, наблюдал как репортер, выйдя из подъезда, садится в новенькую «Такуро-спирит», заводит, и бесконечный поток автомобилей засасывает его в себя. Статью на основе его рассказа напечатали, но имени Ричарда Диза под ней не было. Он уволился из газеты в августе, менее чем через месяц после знакомства с Ваном, и до конца его жизни, не такого уж и далекого, перед его глазами стояли две картины: кровавая моча,

ударяющаяся о фарфор, становящаяся видимой и, закручиваясь, стекающая в отверстия писсуара, и лицо старика, знакомство с которым не проходит бесследно.

Вану же, в свою очередь, до последнего дня снилась толпа людей на улице, читающая газету «Взгляд изнутри» с его рассказом. Лица их постепенно чернеют, кожа обтягивает череп, рты раскрываются в зловещем подобии зевка, звуки автомобилей, их гудков и сирен доносятся как будто из другой реальности, и перед самым пробуждением все они отрывают взгляды от статьи, смотрят на него и начинают кричать.

Толпа снилась ему до июня 86-го года, в этот год сны прекратились у многих.